

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Г. А. Клейнман

**РУССКИЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ
НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв.**

Существует обширная мировая литература, посвященная международным проблемам такой яркой исторической эпохи, как рубеж XVIII—XIX вв. — времени бурных политических потрясений, связанных с Великой французской революцией и наполеоновскими войнами. Очень широк круг произведений печати, относящихся к этой литературе: это публикации важнейших документов эпохи (многотомные собрания договоров и других документов Ф. Мартенса, Г. Норадунгяна и др.), коллекции писем, входящих в личные архивы государственных деятелей и дипломатов (сорокатомный Архив князя Воронцова, изданный в Москве в 1870—1895 гг.), воспоминания государственных и военных деятелей — участников описываемых событий, разнообразные тематические сборники документов (например, М. И. Кутузов. Т. I—V. М., 1950—1956), биографии, описания войн и, наконец, научные исследования.

Многие советские историки, в том числе специалисты по русской и всеобщей истории, балканисты, а также востоковеды-туркологи обращались в своих исследованиях к различным аспектам истории русско-турецких отношений конца XVIII — начала XIX в. Хотя эта тема и не являлась главной для многих из этих авторов, тем не менее она получала в их работах определенное раскрытие. Вместе с тем был опубликован ряд исследований, непосредственно посвященных разработке конкретных, узловых вопросов русско-турецких отношений этого времени, в частности непродолжительному, но важному периоду в истории двух стран, когда их отношения определялись союзным договором 1799—1805 гг. Некоторые из таких работ появились в 40-х годах, другие вышли значительно позже — в 50—60-х годах. Интерес к данной проблематике не утрачен, и до сих пор еще продолжается выявление источников и материалов, которые позволяют по-новому, более глубоко изучить особенности этой эпохи.

Не ставя перед собой задачу полного охвата всей научной ли-

тературы, посвященной этой теме, назову лишь некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, монографии и статьи: А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.—Л., 1947; Б. А. Дранов. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948; Е. И. Дружинин а. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. Его подготовка и заключение. М., 1955; она же. Северное Причерноморье в 1775—1800 г. М., 1959; А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962; она же. Россия и Англия в годы второй турецкой войны 1787—1791 г.—«Вопросы истории», 1948, № 11, с. 26—49; Г. А. Клейнман. Русско-турецкий союз 1799 г.—«Доклады и сообщения исторического факультета МГУ». Вып. 3. 1945, с. 9—23; А. Д. Новичев. Вторжение французов в Египет и франко-турецкая война 1798—1802 г.—Вопросы истории стран Азии. Л., 1965, с. 95—122; Э. Д. Вербицкий. К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII и XIX веков.—Колониальная политика и национально-освободительное движение. Кишинев, 1965, с. 159—184. Из более поздних работ следует привести: А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М., 1972; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1978.

Документальные материалы, хранящиеся в русских архивах, несмотря на все сказанное выше, остаются неопределенно важным источником для исследователя русско-турецких отношений рассматриваемого периода. Эти коллекции сохранили и донесли до нас многие исторические сведения и свидетельства современников, их оценки событий, еще не включенные в научный оборот. Случается, что обнаруженный архивный документ позволяет по-новому увидеть, казалось бы, давно известное событие, раскрывает какие-то новые черты, характерные для того или иного исторического персонажа, даже новую интерпретацию событий вопреки мнению, распространенному в историографии.

Многие архивные документы этой эпохи стали недавно широко доступны читателям благодаря изданной в 1960—1970 гг. многотомной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия первая, 1801—1815 гг.». В печати отмечалось, что эта публикация «является первым систематическим изданием важнейших дипломатических документов, характеризующих важнейшие внешнеполитические акции России в XIX в.»¹. Наличие в нем множества документов, касающихся русско-турецких отношений, представляет для туркологов особый интерес. Значительную ценность данной публикации придает то обстоятельство, что она включает не только донесения русских дипломатов из стран пребывания, но и такие документы, как инструкции русским дипломатическим представителям, записки по внешнеполитическим вопросам, доклады царю, представленные ведущими чиновниками МИД'а, в том числе

и министром иностранных дел. Документы АВПР, относящиеся к 1801—1804 гг. охватывают широкий круг вопросов, возникавших между странами-союзниками — Россией и Турцией. В частности, они содержат сведения о практическом осуществлении союзных отношений, затрагивают вопрос о развитии русско-турецких торговых связей и т. п.

Исходной датой в коллекции документов АВПР, опубликованных в первой серии, является весна 1801 г. Выбор этой даты был не случайным, он связан с прошедшим в это время серьезным изменением внешнеполитического курса царского правительства (восстановление дипломатических отношений с Англией и Австрией и заключение мира с Францией). Другая причина, определившая такое хронологическое начало, связана с тем, что в 1802 г. в России было учреждено министерство иностранных дел и с этого времени начинается более полный и систематический подбор документов, хранящихся в Архиве внешней политики России.

Таким образом, в данную публикацию не вошли архивные материалы, относящиеся к интересующему нас более раннему периоду, т. е. к 90-м годам XVIII в., когда в отношениях между двумя империями произошли существенные перемены, приведшие к заключению русско-турецкого союза 1799 г.² Ценные архивные документы этого времени, длительное время находившиеся в фондах Центрального Государственного Архива Древних Актов (ЦГАДА), сравнительно недавно были включены в состав Архива внешней политики России МИД СССР (АВПР)³.

Архивные документы 90-х годов XVIII в., остающиеся пока не опубликованными, заслуживают пристального внимания исследователя, поскольку являются богатым источником для изучения внешней политики Османской империи и особенно русско-турецких отношений данного периода. Здесь находятся реляции чрезвычайного посланника России в Стамбуле В. П. Кочубея Павлу I. Приложения к ним содержат иногда очень важные, мало известные документы, например «Записка, касательно тарифа» от 17/28 февраля 1798 г. (см. ниже). Коллекция включает полный текст русско-турецкого союзного договора от 3 января 1799 г., а также документы, относящиеся к подписанию Англо-турецкого союзного договора от 5 января 1799 г. Значительный интерес представляет письмо В. П. Кочубея от 3 апреля 1798 г., содержащее инструкции его преемнику на посту посланника В. С. Томаре, приехавшему ему на смену в марте 1798 г. Можно назвать и такой документ, как текст полномочий, данных В. С. Томаре на установление нового тарифа с Турцией от 2 июня 1799 г.

Документы содержат некоторые сведения о борьбе Порты против мятежного турецкого паши Пазванд-оглу. Так, в реляциях В. П. Кочубея приводилась схема движения военных отрядов Пазванд-оглу в направлении Рущука, Белграда и Софии. Освещались и военные контрмеры Порты, например, перечислялись зада-

чи, поставленные перед боснийским пашой, бейлербеем румелийским и пашой Хотина. Говорилось и о задачах, стоящих перед капудан-пашой Кючюк Хюсейном, который был отправлен в район Варны. В. П. Кочубей сообщал и о некоторых успехах Порты, изгнавшей войска Пазванд-оглу из Ниссы и Систова (как известно, эти успехи носили временный характер и вскоре события, связанные с высадкой французов в Египте, вынудили Порту отозвать капудан-пашу с его войсками из-под Видина и направить в Сирию против французов).

Архивные материалы позволяют также судить о позиции, занятой Россией в отношении конфликта Порты с Пазванд-оглу. В рассматриваемый период, учитывая свои союзнические отношения с Турцией, Россия не оказывала поддержки пашам-сепаратистам в противовес Франции, которая вела тайные переговоры с Али-пашой Янинским и Пазванд-оглу. Считая опасным положение, сложившееся в Румелии в связи с борьбой Пазванд-оглу против Порты, Россия через своих послов в Стамбуле даже предлагала Турции свою помощь в целях подавления мятежа (в частности, речь шла о поставках провианта и военного снаряжения).

Этот выборочный перечень архивных материалов дает лишь самое общее представление об их содержании и характере. В рамках настоящей статьи не представляется возможным с достаточной полнотой рассмотреть архивные материалы этого времени, относящиеся к рассматриваемой теме, в целом. Остановимся подробнее на донесениях В. П. Кочубея, относящихся к периоду подготовки заключения русско-турецкого союзного договора, выделив ряд наиболее важных и интересных вопросов, получивших освещение в соответствующих документах.

В. П. Кочубей находился в Турции в качестве посланника пять лет — с 1793 по 1798 г.⁴ Соприкасаясь с турецкими государственными деятелями, а также с дипломатическими представителями западноевропейских держав, он вникал в широкий круг разнообразных вопросов, связанных в первую очередь с внешней политикой Турции, но в какой-то мере касавшихся и ее внутренней жизни. Большое место в его реляциях занимает оценка международного положения Османской империи, особенно в связи с завоевательной политикой Франции, с ее стремлением добиться своего господства в районе Средиземного моря⁵. Внимание В. П. Кочубея было сосредоточено на состоянии русско-турецких отношений. Он пытался дать прогноз будущего развития этих отношений, причем еще в 1797 г. предсказывал возможность заключения русско-турецкого союза, хотя и считал, что это было бы событием, «достаточно необычным в политике»⁶.

В то время когда велись переговоры о заключении упомянутого союза, а также и в период осуществления союзных отношений, создались условия, благодаря которым две страны смогли мирным

путем и без постороннего вмешательства решать многие вопросы, имевшие для них первостепенное значение.

К весне 1798 г. между Россией и Турцией нерешенными оставались два основных спорных вопроса, мешавшие заключению союзного договора, — о возмещении убытков, причиненных черноморским казакам турецкими (закубанскими) черкесами, и об установлении нового русско-турецкого торгового тарифа. Первый был мирно урегулирован в апреле 1798 г., т. е. еще до отъезда В. П. Кочубея из Турции; второй также к этому времени был в принципе разрешен, но окончательное его завершение относится к 1799 г., когда послом России в Стамбуле был уже В. С. Томара.

Вопрос о русских претензиях в связи с набегами черкесов стоял в следующем. Незадолго до начала русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в южной России было создано новое казачье войско по типу Донского. Это иррегулярное войско, получившее название «черноморские казаки», размещалось сначала на Керченском полуострове, а затем в районе между Бугом и Днестром, т. е. в стратегически важной тогда области. Черноморские казаки, живущие вместе с семьями, сочетали военную службу с хозяйственной деятельностью. Таким образом, кроме военных функций они выполняли важную задачу освоения земель южной окраины России. Во время войны 1787—1791 гг. черноморские казаки участвовали в военных действиях. По данным 1793 г., численность этого войска достигала 42 тыс. человек⁷.

В 1791 г., после окончания войны, оно было переведено на территорию, простиравшуюся между реками Еей и Кубанью. Там в 1794 г. был основан город Екатеринодар (ныне Краснодар), который являлся укрепленным пунктом и административным центром Черноморского казачьего войска. Поскольку казаки большую часть времени тратили на военную службу, они не могли полностью удовлетворять свои потребности в хлебе и промышленных товарах. В связи с этим здесь получила значительное развитие внутренняя и внешняя торговля. На ярмарки, которые устраивались четыре раза в год, кроме местного населения и торговцев из внутренних губерний России приезжали также закубанские, т. е. турецкие, черкесы. Они привозили хлеб, шерсть, шкуры, войлоки и закупали у казаков соль, рогатый скот, лошадей, парусину, холсты, сахар. Раньше эти товары из России поступали сюда при посредничестве турецких купцов, теперь же установились прямые контакты, поскольку произошло территориальное сближение: за Кубанью жили городские народы, а далее шли уже турецкие владения.

Однако отношения черноморских казаков с закубанскими черкесами не всегда носили мирный характер. Архивные материалы содержат данные о том, что на протяжении ряда лет после окончания войны, особенно с 1792 по 1796 г., черкесы неоднократно нападали на казаков и наносили им большой ущерб, угоняя скот и похищая имущество.

Длительное время протесты русского посла перед Портой по поводу этих фактов оставались безрезультатными. И только в марте — апреле 1798 г., т. е. незадолго до отъезда В. П. Кочубея в Россию, ему удалось добиться положительного решения и договориться о выплате Турцией возмещения за ущерб, нанесенный набегами (оно выразилось в сумме 20 312 пиастров). Желая обеспечить безопасность пограничных районов в будущем, В. П. Кочубей договорился с Портой о том, что в дальнейшем подобные конфликты будут обсуждаться в дружественном духе на местах соответствующими русскими и турецкими должностными лицами. Екатеринославский наместник В. В. Каховский должен был сноситься в подобных случаях с анапским пашой, который получал от Порты соответствующий фирман. Такое решение спорного вопроса, хотя и было достигнуто не без труда, отвечало дружественным отношениям, установившимся тогда между двумя странами.

Архивные документы позволяют восстановить ход русско-турецких переговоров и по другому важному вопросу: об установлении нового торгового тарифа. Этой теме посвящен ряд архивных документов, в том числе «Записка касательно тарифа», составленная В. П. Кочубеем в феврале 1798 г., некоторые его донесения, относящиеся к апрелю 1798 г., а также официальный документ «Проект полной мочи г. министру Томаре о постановлении с Портою нового тарифа», датированный 2 июня 1799 г.

Следует сказать несколько слов об истории этого вопроса. Торговый тариф был установлен русско-турецким торговым договором от 10 июня 1783 г. (ст. 24)⁸. В договоре были учтены постановления Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., по которому на Россию распространялись все те льготы, которыми пользовались в Турции согласно капитуляциям французские и английские купцы. Торговый договор детально определял права и привилегии обеих сторон, участвующих в черноморской торговле. Установленный в соответствии с ним тариф предусматривал уплату пошлины в 3% со стоимости товаров. Тариф был подтвержден Яским мирным договором 1792 г.

Однако уже с 1793 г. Порта начала добиваться пересмотра русско-турецкого торгового тарифа, мотивируя это возросшими ценами на товары. Турки придавали этому вопросу очень серьезное значение, так как считали, что действующий тариф наносит им большой ущерб.

Особенно остро встал этот вопрос в 1794 г., когда Порта в резкой форме потребовала от России установления нового тарифа. В Петербурге отвергли это требование на том основании, что оно не соответствует русско-турецким договорам. Конфликт грозил перерасти в вооруженное столкновение. В связи с этим нелишне напомнить строки из одного письма В. П. Кочубея 1794 г., в котором он писал, что вопрос о тарифе может быть легко разрешен, причем главным аргументом является «шестьсот тысяч человек и

граф Суворов у границ Турции»⁹. Вопрос о тарифе возникал неоднократно и в последующие годы.

Весной 1798 г. переговоры по этому вопросу возобновились, однако в новой ситуации поведение обеих сторон значительно изменилось: переговоры на этот раз проходили в дружественном духе. Положительное разрешение вопроса о тарифе приобрело тогда особое значение, поскольку этот спор тормозил переговоры о заключении русско-турецкого союза. Учитывая это обстоятельство, русская сторона сочла возможным пойти навстречу пожеланиям Турции¹⁰. В донесениях В. П. Кочубея излагался ход переговоров по этому вопросу, а в упомянутой выше «Записке касательно тарифа» было указано, что можно согласиться на просьбу турок, ввиду того что изменения в тарифе не причинят убытков русским купцам, а Порте это будет и приятно и выгодно. «Записка» содержала ряд рекомендаций насчет того, как должен осуществляться переход к новому тарифу. К ней был приложен проект примерного нового тарифа, приведены сравнительные цены на товары 1782 и 1798 гг. (оптовые или средние), была также сделана соответствующая этим данным раскладка пошлин с основанием 3%.

Действуя в вопросе о тарифе таким образом, В. П. Кочубей стремился осуществить свою главную цель, которую он следующим образом определил в письме к новому русскому посланнику В. С. Томаре — крепить миролюбивое отношение Порты к России, устранять ее подозрения против России и укреплять ее веру в расположение к ней России.

В заключение следует сказать: представляется бесспорным тот факт, что широкое привлечение архивных материалов при условии их тщательной проверки, сопоставления с другими отечественными и иностранными источниками поможет исследователю выполнить его задачу — воссоздать живую, исторически правдивую картину изучаемой эпохи.

Применительно к рассматриваемой теме можно отметить, что документы из русских архивов являются убедительным свидетельством того, что союзные отношения были желательны и полезны для обеих сторон. В годы наполеоновских войн для Турции этот союз был важен, поскольку он обеспечивал безопасность ее границ, что являлось неотъемлемым условием, сделавшим возможным проведение внутренних реформ в Османской империи.

Значение союза для России заключалось в том, что она мирным путем впервые добилась прохода своего военного флота через Проливы в Средиземное море. Выход России в Средиземное море открывал новые перспективы для развития русской торговли.

¹ И. С. Достян. Документы о русской политике в отношении Турции и балканских народов периода наполеоновских войн и Венского конгресса в издании «Внешняя политика России XIX и начала XX в.». — «Études balkaniques». Sofia, 1973, № 4, с. 99.

² В данной статье не рассматриваются причины внутреннего и внешнего порядка, приведшие в середине 90-х годов к установлению мирных, а затем и союзнических отношений между Россией и Турцией. Здесь равным образом не затрагиваются и конкретные вопросы, связанные с содержанием текста договора и осуществлением союза на практике. Эти проблемы в той или иной степени освещены в приведенной выше научной литературе. Точка зрения автора по этим вопросам изложена в статье «Русско-турецкий союз 1799 г.» и в тезисах доклада «Русские архивные материалы как источник для изучения русско-турецких отношений на рубеже XVIII—XIX вв.», опубликованных в кн.: История и филология Турции. М., 1976, с. 18—20.

³ См.: Путеводитель ЦГАДА. Ч. 1—2. М., 1946—1947, с. 76;— Сношения России с Турцией, ф. 86 (1496—1800 гг.).

⁴ Н. Д. Чечулин. Князь Виктор Павлович Кочубей. 1768—1834. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1900.

⁵ В книге А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт» (М., 1972, с. 173) приведены слова Бонапарта о том, что Франция «рассматривает Средиземное море как свое море и намерена на нем господствовать».

⁶ Архив кн. Воронцова, кн. XIV, с. 90.

⁷ Е. И. Дружинин. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. с. 191.

⁸ Полный Свод Законов Российской Империи. Т. XXI, № 15757.

⁹ Архив кн. Воронцова, кн. XIV, с. 35.

¹⁰ А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., с. 99.